* * *

Идея регенерации организует многие ядра изначального метафорического набора.[20] Можно даже сказать, что она находится в центре целого клубка метафор. Так, например, существует двучлен насыщение, или принятие пищи, — преображение. Трансформы этого двучлена встречаем у обоих поэтов XX в.

Разбейте днища у бочек злости,
ведь я горящий булыжник дум ем.
Сегодня в вашем кричащем тосте
я овенчаюсь моим безумием.

(«Владимир Маяковский», стр. 155).

Строка «ведь я горящий булыжник дум ем» из трагедии «Владимир Маяковский» может показаться бессмысленной или безнадежно-вычурной. Но как только мы объединим ее с центральным, сюжетообразующим представлением о регенерирующем мире, она сразу вернет нас к ядру «преображение—насыщение». Здесь, между прочим, присутствуют и трансформы других ядерных конструкций: битва—пир (тост), битва—свадьба (венчание), регенерация—вселенский пожар (горящий булыжник). Их взаимопроникновение не вызывает впечатления образной анархии, потому что они сцеплены по принципу сходства одного из компонентов. Битва—пир и регенерация—насыщение скрещиваются по сходству вторых элементов (понятие еды при живописной детализации может давать картину пира), регенерация—насыщение и регенерация—вселенский пожар — по совпадению первых элементов.

Аналогично следует комментировать и такие стихи трагедии:

На тарелках зализанных зал
будем жрать тебя, мясо, век.

(Стр. 159).

Интересно, что в восприятии «обыкновенного молодого человека» — мещанского антипода главного героя трагедии — эта метафора компрометируется, низводится до каннибальства:

У меня братец есть,
маленький, —
вы придете и будете жевать его кости.
Вы все хотите съесть!

(Стр. 161).

На фоне этой компрометации, примитивно-реалистического трансформа более значительными становятся слова из «Пролога»:

Вам ли понять,
почему я,
спокойный,
насмешек грозою
душу на блюде несу
к обеду идущих лет.

(Стр. 161).

Если искать исходную точку этой последней трансформации, то Маяковский опирается не на архаическое ядро, а на средневековый литургический трансформ — обряд причастия, делая обычную для себя под-

[20] См.: О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра, стр. 123.